

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

Зайцева Евгения Сергеевна

**Эволюция римского сенаторского сословия в IV – VI вв.:
просопографический аспект**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история
(история Древнего мира и Средних веков)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург – 2021

Работа выполнена на кафедре истории Древнего мира и Средних веков ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Научный руководитель

доктор исторических наук, доцент
Куц Татьяна Викторовна

Официальные оппоненты:

Махлаюк Александр Валентинович,
доктор исторических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Национальный
исследовательский Нижегородский
государственный университет им.
Н. И. Лобачевского», заведующий
кафедрой истории древнего мира и
Средних веков

Мехамадиев Евгений Александрович,
доктор исторических наук,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет», старший
преподаватель кафедры истории
Средних веков

Ведешкин Михаил Александрович,
кандидат исторических наук,
ФГБУН Институт всеобщей истории
Российской академии наук (г. Москва),
старший научный сотрудник отдела
историко-теоретических исследований

Защита состоится «28» сентября 2021 г. в 12.00 на заседании диссертационного совета УрФУ 07.01.09 по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, зал диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», <https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?d=12&rid=2421>.

Автореферат разослан «___» _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук,
доцент

А. В. Шаманаев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется тем, что период IV–VI веков являлся пограничной эпохой между классической Античностью и Средневековьем. Это было время политических, экономических и социальных потрясений и культурного разрыва, в результате которых проявились новые тенденции, определившие вектор дальнейшего развития европейской цивилизации. С другой стороны, многие элементы античного общества смогли сохраниться при переходе от Античности к Средним векам, хотя и пережив определенную трансформацию. Таким образом, анализ механизмов и способов выживания старых социальных групп, таких как римская сенаторская аристократия, а также изменений, которым они подверглись в условиях коренной ломки прежней общественной системы, имеет для современной науки важное значение.

Актуальности исследованию добавляет и тот факт, что изучение элит традиционно является одним из важнейших направлений историографии, в рамках которого изучаются особенности функционирования различных социальных структур древних обществ. В рамках диссертационного исследования таким элитарным социальным слоем предстает римское сенаторское сословие.

Объектом исследования является позднеантичное римское сенаторское сословие.

В рамках данного исследования под римским сенаторским сословием понимаются сенаторы, которые обладали титулом *vir clarissimus*, *vir spectabilis* или *vir illustris*, а также члены их семей. Основным местом проживания этих родов был Рим, хотя по мере необходимости представители сенаторского сословия могли проживать и в провинциях, например, исполняя там магистратуры.

Предмет исследования – трансформация римского сенаторского сословия в условиях политических и социальных изменений IV – середины VI вв.

Цель диссертационного исследования – исследование эволюции римской сенаторской аристократии в позднеантичный период, а также отражение этих

изменений в различных аспектах: демографическом, социально-экономическом, духовном, политическом.

Задачи:

- определить круг семей, принадлежавших к позднеантичной senatorской аристократии, сформулировать критерии отбора senatorских фамилий;
- рассмотреть проблему самовосприятия римской аристократии и критерии знатности в оценках ее современников;
- проанализировать принципы имянаречения аристократов в период поздней Античности;
- с помощью просопографического метода составить базу данных римских senatorских фамилий и, основываясь на полученных сведениях, представить родословные позднеантичных senatorских *gentis*;
- выделить фамилии, принадлежавшие к «старой» италийской знати и *hominibus novis*, и проанализировать их *modus vivendi*;
- проанализировать демографические процессы в среде аристократии (численность senatorских родов, их матримониальные связи, географическое и социальное происхождение);
- рассмотреть социально-экономическое положение аристократии и выявить изменение материального благосостояния, особенности отношений патрона-клиенты и практики эвергетизма в ее среде;
- определить степень влияния процесса христианизации римского senatorского сословия на его экономическое положение;
- изучить взаимодействие обновленного senatorского сословия с властными структурами (двором, императорами и королями);
- сравнить социальное положение senatorов при римских императорах и после возникновения варварских королевств в Италии.

Хронологические рамки работы ограничены периодом с начала IV до середины VI вв. В качестве нижней хронологической границы взят приход к власти императора Константина I Великого (306 г.). Верхней границей является установление на Апеннинском полуострове власти византийцев после захвата его

императором Юстинианом I. Обе границы условны, поскольку хронологические рамки неизбежно расширяются, захватывая III в. при анализе преемственности между аристократией периода Принципата и Домината, и вторую половину VI в. – при рассмотрении положения сенаторской аристократии в Италии после складывания там Равеннского экзархата.

Источниковая база исследования включает в себя несколько групп источников.

Наиболее значимыми для решения поставленных задач являются **эпиграфические материалы**¹, позволяющие проанализировать механизм кооптации в ряды «старой» сенаторской аристократии *hominum novorum*. Эпиграфика также незаменима при реконструкции типов карьер представителей позднеантичной сенаторской аристократии и определении принципов передачи патронимов в ее среде.

Помимо эпиграфических свидетельств были привлечены **нарративные источники**, представленные историческими сочинениями, риторическими и философскими трактатами, эпистолографией, биографиями и жизнеописаниями, а также законодательными актами.

Среди нарративных источников наиболее обширную группу представляют **исторические сочинения** – это труды Аммиана Марцеллина², Магна Аврелия Кассиодора³, Рутилия Намациана⁴, Олимпиодора⁵, Зосима⁶, Аноним Валезия⁷,

¹ Corpus Inscriptionum Latinarum / ed. Th. Mommsen et al. Berlin, 1863–1959. Т. III. Pt. 1. P. 1–586; Pt. 2. P. 587 – 1197; Т. V. Pt. 1. P. 1–544; Pt. 2. P. 545–1215; Т. VI. Pt. 1. P. 406; Pt. 2. P. 875–1746; Pt. 3. P. 1747–2458; Pt. 4. P. 2459–3001; Pt. 5. P. 1–271; Т. VIII. Pt. 1. P. 1–714; Pt. 2. P. 714–1141; Т. IX. P. 847; Т. X. Pt. 1. P. 1–712; Pt. 2. P. 713–1229; Т. XIV. 608 p.; Inscriptiones Latinae Selectae / ed. H. Dessau. Berolini, 1892–1916. Vol. I–III. 580 p.; 1039 p.; 954 p.; Inscriptiones graecae ad res romanas pertinentes / ed. R. Cagnat. Chicago, 1975. Т. 1, 2. 712 p.; Inscriptions of Roman Tripolitania / ed. J. M. Reynolds, B. Ward-Perkins. Rome, 1952. 286 p.; Notizie degli scavi di antichita. Vol. 14. Roma, 1917. 351 p.; Inscriptiones Christianae Urbis Romae / ed. I. De Rossi. Roma, 1861. Т. 1. 619 p.; L'Annee Epigraphique. Paris. 1892. № 1. P. 1–72; 1906. № 1. P. 1–70; 1922. № 1. P. 1–58; 1927. № 1. P. 1–80; 1934. № 1. P. 1–92; 1954. № 1. P. 1–96; 1964. № 1. P. 1–132; 1969–1970. № 1. P. 1–272; 1972. № 1. P. 1–296; 1977. № 1. P. 1–326; 1994. № 1. P. 1–762; 2005. № 1. P. 1–830; Bullettino della Commissione Archeologica Comunale di Roma. 1907. № 35. P. 115–121.

² Ammiani Marcellini rerum gestarum libri quae supersunt / ed. F. Eyssenhardt. Berolini, 1871. 627 p.; Ammiani Marcellini rerum gestarum libri qui supersunt / ed. W. Seyfarth. Stutgardiae; Lipsiae, 1978. Vol. 1. 300 p.; Vol. 2. 251 p.

³ Magni Aurelii Cassiodori Senatoris... Opera omnia // Patrologiae cursus completus. Series latina / ed. by J.-P. Migne. 1865. Vol. 69. 1364 p.; Vol. 70. 1464 p.

Прокопия Кесарийского⁸, Феодора Анагноста⁹. Исторические сочинения помогают не только охарактеризовать процесс трансформации сенаторской аристократии, но и показать изменение самой общественно-политической ситуации в Италии IV – середины VI в., связав эти два аспекта исследования. С этой же целью могут быть использованы некоторые *биографии*¹⁰ и *хроники*¹¹.

Важным источником для исследования особенностей повседневной жизни римской сенаторской аристократии (обстоятельств принятия аристократами христианства, влияния новой религии на их повседневность и материальное благосостояние, нравственные ценности), самовосприятия римских аристократов, их взаимоотношений внутри сословия и с другими сословиями являются *эпистографические источники*. В работе были использованы письма Либания¹², Симмаха¹³, Паулина Ноланского¹⁴, Иеронима Стридонского¹⁵, Амвросия

⁴ Rutilius Namatianus. De reditu suo / with an eng. trans. by J.W. Duff, A.M. Duff // Minor Latin Poets. Cambridge; London, 1934. P. 753–830.

⁵ Олимпиодор Фивянин. История // Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Магистр, Менандр, Кандид Исавр, Ноннос и Феофан Византиец. Рязань, 2003. С. 144–167; Олимпиодор Фиванский. История / пер. и комм. Е.Ч. Скржинской // Византийский временник. 1956. № 8(33). С. 223–276.

⁶ Zosimus. New History. London, 1814. 179 p.

⁷ Anonymus Valesii // Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi 9 / ed. Th. Mommsen. Berolini, 1892. P. 1–11, 259, 306–328.

⁸ Procopius Caesariensis. De bello Gothico / ed. B. G. Niebuhrii. Bonn, 1833. Vol. 2. 643 p.; Procopius / with an eng. trans. by H.B. Dewing. Cambridge; London, 1914–1940. Vol. III. 461 p.; Vol. IV. 514 p.; Vol. V. 457 p.; Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / пер., ст., комм. А.А. Чекаловой. М., 1993. 570 с.

⁹ Theodori Lectoris Excerpta ex Ecclesiastica Historia // Patrologiae cursus completus. Series graeca / ed. J.-P. Migne. 1860. Т. 86/1. 1768 p.

¹⁰ Sexti Aurelii Victoris Liber de Caesaribus: praecedunt Origo gentis Romanae et Liber de viris illustribus Urbis Romae, subsequitur Epitome de Caesaribus / ed. F. Pichlmayr. Leipzig, 1970. 226 p.; Scriptorum Historiae Augustae / eng. trans. by D. Magie. Cambridge; London, 1921–1932. Vol. III. 529 p.; S. Melania Iunioris Acta Graeca // Analecta Bollandiana. Paris; Bruxelles, 1903. Т. XXII. P. 5–49; Vita Sanctae Melania Iunioris // Analecta Bollandiana. Paris, 1889. Т. VIII. P. 19–63; Liber Pontificalis / ed. L. Duchesne. Paris, 1886 – 1892. Т. 1. 200 p.; Т. 2. 600 p.; Т. 3. 402 p.

¹¹ Chronicon Paschale 284–628 AD / trans. by M. Whitby, M. Whitby. Liverpool, 2007. 239 p.; The Chronicle of Hydatius and the Consularia Constantinopolitana / eng. trans. by R. W. Burgess. Oxford, 1993. 270 p.

¹² Libanius. Opera / ed. R. Foerster. Leipzig, 1921–1927. Vol. II. 614 p.; Vol. X. 761 p.

¹³ Symmaque. Lettres / texte établi, traduit et commenté par J.-P. Callu. Paris, 1972–2002. Vol. I. 238 p.

¹⁴ Paulinus Nolanus. Opera Omnia // Patrologiae cursus completus. Series latina / ed. J.-P. Migne. Paris, 1861. Vol. 61. 1156 p.

¹⁵ Hieronymus Stridonensis. Opera Omnia // Patrologiae cursus completus. Series latina / ed. J.-P. Migne. Paris, 1845–1846. Vol. 22. 1296 p.; Vol. 23. 849 p.; Vol. 24. 1004 p.; Vol. 25. 1624 p.; Vol. 26. 1328 p.; Vol. 27. 773 p.; Vol. 28. 773 p.; Vol. 29. 583 p.; Vol. 30. 567 c.

Медиоланского¹⁶, Аврелия Августина¹⁷, Магна Феликса Эннодия¹⁸, Сидония Аполлинария¹⁹, письма римских пап²⁰.

Еще одну группу письменных источников составляют *юридические и делопроизводственные документы*. В первую очередь сюда стоит отнести *Variae* Кассиодора²¹ и Акты Церковных соборов²².

Для понимания деталей кризиса в отношениях между варварскими королями и римской аристократией использованы *философско-риторические сочинения*²³.

В диссертационном исследовании были использованы *законодательные акты*: кодексы Феодосия²⁴ и Юстиниана²⁵. Их сведения в первую очередь дают возможность понять функции магистратов и иных должностных лиц.

Данный комплекс источников позволяет решить поставленные задачи и достичь заявленной цели.

¹⁶ Ambrose of Milan: Political Letters and Speeches / eng. trans. by J. Liebeschuetz. Liverpool, 2010. 404 с.

¹⁷ Augustine. Works / eng. trans. by P. Schaff // Nicene and Post-Nicene Fathers. Series I, Vol. I. New York, 1886. 670 с.

¹⁸ Ennodius Magnus Felix, Opera omnia / ed. G. Hartell // Corpus scriptorium ecclesiasticorum latinorum. Wien, 1882. Т. VI. 722 p.

¹⁹ Sidonius Apollinaris. Opera Omnia // Patrologiae cursus completus. Series latina / ed. J.-P. Migne. Paris, 1862. Vol. 58. Col. 435–752.

²⁰ Gelasius I. Epistolae // Patrologiae cursus completus. Series latina / ed. J.-P. Migne. Paris, 1865. Vol. 56. 1188 p.; Leo I Magnus. Epistolae // Patrologiae cursus completus. Series latina / ed. J.-P. Migne. Paris, 1846. Vol. 54. 1574 p.; Gregorius Magnus. Registrum Epistolarum // Monumenta Germaniae Historica / eds. P. Ewald, L. M. Hartmann. Berlin, 1891–1899. Т. 1. 491 p.; Epistolae imperatorum Pontificum aliorum inde ab a. CCCLXVII usque DLIII datae Avellana quae dicitur Collectio. Pars. I–II // Corpus scriptorium ecclesiasticorum latinorum. Prague; Vienne; Leipzig, 1895–1898. Vol. 35. 493 p.

²¹ Шкаренков П. П. «Variae» Кассиодора памятник переходной эпохи // Диалог со временем. 2008. № 25(2). С. 305–342.

²² Sacrorum Conciliorum Nova Amplissima Collectio / ed. J. D. Mansi. Florentiae, 1763. Vol. 9. 1340 p.

²³ Боэций. Утешение философией // Боэций. «Утешение философией» и другие трактаты / под ред. Г. Г. Майорова. М., 1990. 414 с.; Macrobius. Saturnalia. Vol. I–III / ed. R. A. Kaster. Cambridge; London, 2011. 540 p.; Макробий Феодосий. Сатурналии / пер. В. Т. Звиревича; под ред. М. С. Петровой. М., 2013. 808 с.

²⁴ Theodosiani libri XVI cum constitutionibus sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes / rec. Th. Mommsen, P. M. Meyer. Berolini, 1905. Т. I. P. I. 380 p.; Т. I. P. II. 931 p.; Т. II. 219 p.

²⁵ Codex Iustiniani // Corpus Iuris Civilis. Berlin, 1892. Vol. 2. 587 p. Английский перевод: Annotated Code / eng. trans. by F. H. Blume. URL: <http://unwacadweb.uwo.edu/blume&justinian/default.asp> (дата обращения: 18.02.2021); Дигесты Юстиниана / ред. Л. Л. Кофанов. М., 2008. Т. I. 584 с.

Степень разработанности темы. С точки зрения выработки методологии диссертационного исследования оказались особенно полезны работы отечественных историков. Методика проведения просопографического исследования аристократии подробно описана А. П. Кажданом²⁶. Непосредственно на ранневизантийском материале она была отработана А. А. Чекаловой, которая представила наиболее полный коллективный портрет византийского сенаторского сословия IV–VII вв. Кроме того, в ее работе проанализирован генезис сословия, рассмотрена специфика сенаторской собственности, роль сената в государстве и обществе²⁷.

Для решения поставленных задач для нас оказались важны исследования, в которых было выработано само *определение сенаторского сословия*, а также очерчен круг людей (как по формальным признакам, так и с точки зрения самих позднеантичных аристократов и их современников), которых следует к нему относить.

К этому вопросу в своих исследованиях в различное время обращались М. Арнхейм²⁸ и М. Р. Зальцман²⁹, выделившие представителей сенаторской аристократии исключительно по формальной признаку – обладание титулом *vir clarissimus*.

Д. Шлинкерт, напротив, определил сенаторское сословие исходя из косвенных критериев³⁰. Исследователь выделил четыре наиболее важных, на его взгляд, *conditiones sine quibus non*: знатное происхождение; возможность поддерживать роскошный образ жизни, характерный для сословия в целом; владение родовым поместьем (*patrimonio*), который создавал основу для обеспечения определенного уровня благосостояния; и, наконец, человек, входивший в сенаторское сословие, должен придерживаться «достоинства»

²⁶ Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974. 293 с.

²⁷ Чекалова А. А. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. IV – первая половина VII века. М., 2010. С. 63–80; 286–287.

²⁸ Arnheim M. T. W. The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford, 1972. P. 8–21.

²⁹ Salzman M. R. The Making of a Christian Aristocracy. Social and Religious Change in the Western Roman Empire. Cambridge; London, 2002. P. 7.

³⁰ Schlinkert D. Ordo Senatorius und Nobilitas: Die Konstitution des Senatsadels in der Spätantike. Stuttgart, 1996. 311 p.

(*dignitas*). Соблюдение этих критериев обеспечивало социальное принятие сенатора как аристократа со стороны правителя, других представителей сословия и общества в целом³¹.

Определению *состава позднеантичного сенаторского сословия* Рима и его рассмотрению с помощью просопографических методов посвящен ряд трудов А. Шастаньоля³², М. Арнхейма³³, Дж. Мэтьюза³⁴, К. Беггаса³⁵, К. Сеттипани³⁶, С. Барниша³⁷.

Одним из важнейших вопросов для исследователя является проблема *передачи патронимов* в аристократической среде, поскольку во многом на основании этого критерия мы можем сделать вывод о принадлежности человека к тому или иному аристократическому роду. Отметим в этой связи работы Ал. Кэмерона³⁸, К. Хопкинса и Г. Бертона³⁹, О. Саломиев⁴⁰.

Исследование механизмов кооптации *hominibus novorum* в состав сенаторской аристократии предполагает и рассмотрение *взаимоотношений правителей и представителей сенаторского сословия*. К работам, которые

³¹ Schlinkert D. Ordo Senatorius und Nobilitas. S. 234–236.

³² Chastagnol A. Observations sur le consulat suffect et la préture du Bas-Empire // *Revue Historique*. 1958. Vol. CCXIX. P. 121–253; Idem. La Préfecture urbaine à Rome sous le Bas-Empire. Paris, 1960. 523 p.; Idem. Les Fastes de la Préfecture de Rome au Bas-Empire. Paris, 1962. 348 p.

³³ Arnheim M. T. W. The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford, 1972. 246 p.

³⁴ Matthews J. F. Western Aristocracies and Imperial Court A.D. 364–425. Oxford; New York, 1975. 427 p.

³⁵ Begass Ch. Die Senatsaristokratie des oströmischen Reiches, ca. 457–518. Prosopographische und sozialgeschichtliche Untersuchungen. München, 2018. 574 s.

³⁶ Settipani Ch. Continuité gentilice et continuité sénatoriale dans les familles sénatoriales romaines à l'époque impériale. Oxford, 2000. 597 p.

³⁷ Barnish S. T. B. Transformation and Survival in the Western Senatorial Aristocracy, c. A.D. 400–700 // *Papers of the British School of Rome*. 1988. Vol. 56. P. 120–155.

³⁸ Cameron Al. Avienus or Avienius? // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1995. Bd. 108. P. 252–262; Idem. Black and White: A Note on Ancient Nicknames // *The American Journal of Philology*. 1998. Vol. 119. № 1. P. 113–117; Idem. Polyonymy in the Late Roman Aristocracy: The Case of Petronius Probus // *The Journal of Roman Studies*. 1985. Vol. 75. P. 164–182.

³⁹ Hopkins K., Burton G. Ambition and Withdrawal: The Senatorial Aristocracy under the Emperors // *Death and Renewal. Sociological Studies in Roman History* / ed. K. Hopkins. Vol. 2. Cambridge, 1983. P. 120–200.

⁴⁰ Salomies O. Adoptive and Polyonymous Nomenclature in the Roman Empire – Some Addenda // *Epigrafia e ordine senatorio, 30 anni dopo* / a cura di M. L. Caldelli, G. L. Gregori. Roma, 2014. P. 511–513.

затрагивают этот вопрос, стоит отнести исследования А. Альфельди⁴¹, Л. Кракко Руджини⁴², В. Эка⁴³, К. Хопкинс⁴⁴, С. Ольшанца⁴⁵, Б. Сэлвея⁴⁶, Дж. Вейсвейлера⁴⁷, П. П. Шкаренкова⁴⁸, Дж. Арнольда⁴⁹.

Для достижения целей диссертационного исследования принципиальное значение имели работы, рассматривающие *cursus honorum* сенаторской аристократии. К этой теме обращались в частности В. Эк⁵⁰, Дж. Харриес⁵¹, М. МакЭвой⁵², К. Оловсдоттер⁵³, З. В. Удальцова⁵⁴, О. Р. Бородин⁵⁵.

Карьера представителей сенаторского сословия во многом зависела от обладания социальным престижем, и аристократы предпринимали активные

⁴¹ Alföldi A. A Conflict of Ideas in the Late Roman Empire, the Clash between the Senate and Valentinian I. Oxford, 1952. 151 p.

⁴² Cracco Ruggini L. Nobilità romana e potere nell'età di Boezio // Atti del Congresso Internazionale di Studi Boeziani Pavia 5–8 ottobre 1980 / a cura di L. Obertello. Rome, 1981. P. 73–96; Idem. Rome in Late Antiquity: Clientship, Urban Topography, and Prosopography // Classical Philology. 2003. Vol. 98. № 4. P. 366–382.

⁴³ Eck W. Ordo Senatorius und Mobilität: Auswirkungen und Konsequenzen im Imperium Romanum // The Impact of Mobility and Migration in the Roman Empire (Impact of Empire 12) / ed. E. Lo Cascio, L.E. Tacoma. Leiden, 2016. P. 100–115.

⁴⁴ Hopkins K. Social Mobility in the Later Roman Empire: The Evidence of Ausonius // Classical Quarterly. 1961. № 11. P. 239–248.

⁴⁵ Olszaniec S. Walentynian i senatorowie – procesy w Rzymie w latach 368–374 // Crimina et mores: prawo karne i obyczaje w starożytnym Rzymie: materiały z konferencji / ed. M. Kuryłowicz. Lublin, 2001. P. 129–142.

⁴⁶ Salway B. Redefining the Roman Imperial Élite in the Fourth Century AD // Elites in the Ancient World. Szczecińskie Studia nad Starożytnością / ed. D. Okoń, P. Briks. Szczecin, 2015. Vol. II. P. 199–256.

⁴⁷ Weisweiler J. Domesticating the Senatorial Elite: Universal Monarchy and Transregional Aristocracy in the Fourth Century AD // Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD / ed. J. Wienand. Oxford; New York, 2015. P. 36–75.

⁴⁸ Шкаренков П. П. Римская традиция в варварском мире. М., 2004. 270 p.; Он же. «Последние римляне»: Квинт Аврелий Симмах и Кассиодор Сенатор // История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л. П. Репиной. М., 2005. С. 607–641.

⁴⁹ Arnold J. J. Theoderic and Rome: Conquered but Unconquered // Antiquité Tardive. 2017. № 25. P. 113–126.

⁵⁰ Eck W. Consules, Consules Iterum and Consules Tertium – Prosopographie und Politik // Partiti e Fazioni nel'Esperienza Politica Romana / ed. G. Zecchini. Mailand, 2009. S. 155–181.

⁵¹ Harries J. The Roman Imperial Quaestor from Constantine to Theodosius II // The Journal of Roman Studies. 1988. Vol. 78. P. 148–172.

⁵² McEvoy M. Rome and the Transformation of the Imperial Office in the Late Fourth–Mid-Fifth Centuries AD // Papers of the British School at Rome. 2010. № 78. P. 151–192.

⁵³ Olovsdotter C. Anastasius' I Consuls: Ordinary Consulship and Imperial Power in the Consular Diptychs from Constantinople // Valör. Konstvetenskapliga studier. 2012. Vol. 1(2). P. 33–47.

⁵⁴ Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). М., 1974. 352 с.; Она же. Италия и Византия в VI веке. М., 1959. 542 с.

⁵⁵ Бородин О. Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. СПб., 2001. 474 с.

действия для его получения. По замечанию Д. Шлинкерта, «особая корреляция между социальным престижем и политической функцией сделала сенаторскую аристократию первым классом» позднеантичного общества⁵⁶. *Способам самопрезентации и самовосприятия* сенаторского сословия посвящен ряд работ Р. Шено⁵⁷, Ю. Хиллнер⁵⁸, Г. Каласа⁵⁹, Р. Смита и Б. Вард-Перкинса⁶⁰.

К изучению *религиозной аффилиации* сенаторской аристократии обращались Т. Барнс, Ф. Гиллард, Д. Новак, Дж. О’Доннелл, М. А. Ведешкин⁶¹. Авторы акцентировали внимание на христианизацию сенаторского сословия, а также на противостояние сенаторов и императора, вызванном запретом языческих культов.

Кроме того, созданы многочисленные исследования, посвященные отдельным персоналиям или семейным кланам поздней Античности⁶².

Таким образом, историография, несмотря на присутствие просопографических исследований, посвященных сенаторской аристократии позднеантичного периода Римской империи, имеет ряд лакун. Доминируют работы, имеющие либо чисто просопографический характер, с подробными родословными, но без анализа социально-политических сторон жизни аристократии, либо исследования, обращающиеся к частным вопросам. Проблема же преемственности внутри сенаторского сословия, а также механизмов его пополнения и способов сохранения этой социальной группы в позднеантичном обществе во многом еще остается нераскрытой.

Методология и методы диссертационного исследования. Одним из основополагающих методологических подходов, использованных в диссертации,

⁵⁶ Schlinkert D. *Ordo Senatorius und Nobilitas*. P. 235–236.

⁵⁷ Chenault R. R. *Statues of Senators in the Forum of Trajan and the Roman Forum in Late Antiquity* // *The Journal of Roman Studies*. 2012. Vol. 102. P. 103–132.

⁵⁸ Hillner J. *Domus, Family, and Inheritance: The Senatorial Family House in Late Antique Rome* // *The Journal of Roman Studies*. 2003. Vol. 93. P. 129–145.

⁵⁹ Kalas G. *Architecture and Élite Identity in Late Antique Rome: Approaching the Past at Sant’Andrea Catabarbara* // *Papers of the British School at Rome*. 2013. № 81. P. 279–302.

⁶⁰ См.: Smith R. R. R., Ward-Perkins B. *The Last Statues of Antiquity*. Oxford, 2016. 410 p.

⁶¹ Обзор историографии см.: Ведешкин М. А. *Языческая оппозиция христианизации Римской империи (IV–VI вв.)*. СПб., 2018. С. 36–80.

⁶² Обзор историографии см.: Cameron Al. *Anician Myths* // *The Journal of Roman Studies*. 2012. № 102. P. 133–171; Cameron Al., Schauer D. *The Last Consul: Basilius and His Diptych* // *The Journal of Roman Studies*. 1982. № 72. P. 126–145.

является просопографический. В контексте данного исследования он предполагает изучение римских аристократических родов IV – середины VI вв. на основе анализа данных, касающихся всех известных представителей этих фамилий. Преимущество просопографического метода заключается в том, что он позволяет производить статистическую обработку материала и уже поэтому является наиболее репрезентативным и результативным при изучении элит общества, а также дает возможность создать «коллективный портрет» изучаемой социальной группы. Просопографический метод предполагает прежде всего составление перечня сохранившихся в источниках имен аристократов, о которых имеются какие-либо сведения. Применение этого метода позволило создать базу данных, результаты анализа которой представлены во второй главе.

На каждого из представителей сенаторской аристократии было составлено просопографическое досье, включающее сведения о его политической карьере, строительной активности, общественных взносах, пожертвованиях, родственных связях, религиозной аффилиации, данных о сенаторской собственности и недвижимости, взаимоотношениях патроната-клиентелы.

Для сравнения жизненных стратегий «старых» фамилий и *hominum novorum* в диссертационном исследовании был использован компаративный метод. Сравнительный анализ исторических сочинений, содержащих информацию о представителях римской сенаторской аристократии позднеантичного периода, и привлечение данных эпиграфики позволили, с одной стороны, вычислить количество родов и установить приблизительный состав сенаторских семейств, проанализировать их демографические и социальные характеристики, а с другой, – рассмотреть механизмы кооптации в состав аристократии новых представителей, способов сохранения их в качестве политических акторов. Результаты, полученные в результате применения компаративного анализа, в сочетании с ретроспективным анализом, помогли осветить процесс эволюции римской сенаторской аристократии с IV по VI вв.

Историко-генетический метод в диссертационном исследовании направлен на изучение особенностей формирования сенаторского сословия позднеантичного

периода, его происхождения и этапов развития, а также и на понимание причин изменений в его положении.

Имагологический подход был использован для определения критериев знатности в позднеантичном обществе, реконструкции образа римских аристократов в глазах их современников, а также выявления особенностей самовосприятия и самопрезентации сенаторского сословия.

Историко-антропологический подход помог, с одной стороны, выявить специфику позднеантичного социума в целом, с другой, – определить черты «статусной аристократической культуры», а также установить модели поведения, которым следовала позднеантичная аристократия в политической и частной жизни.

Научная новизна. В работе впервые проведено сопоставление жизненных стратегий «старой» италийской аристократии и «новых» людей, входивших в ее состав. Новизна исследования состоит и в том, что впервые наиболее полно прослежен процесс слияния этих двух групп позднеимперской знати, а также уточнены особенности процесса провинциализации римской аристократии в позднеантичный период.

Для исследования позднеантичной аристократии была создана база данных входивших в ее состав сенаторских родов (68 *gentis*, включавших 463 представителей), анализ которой позволил установить социальное и географическое происхождение сенаторских фамилий. Для части семей это сделано впервые.

В диссертации пересмотрена устоявшаяся в исторической науке точка зрения о том, что сенаторская аристократия на Западе пополнялась из числа крупных землевладельцев, которые, в отличие от восточных сенаторов, лишь спорадически занимали магистратуры, в том числе и в провинциальных муниципиях. Было установлено 28 сенаторов, входивших в муниципальные советы, и на конкретных примерах доказано, что сенаторская аристократия Рима оставалась связанной с муниципальными структурами провинциальных городов. Вывод имеет

принципиальное значение для осмысления аристократии Рима IV–VI вв. как социальной группы, все еще остававшейся античной по своей сути.

Практическая значимость. Вопросы, рассмотренные в рамках диссертационного исследования, углубляют представления об особенностях функционирования позднеантичного социума и сенаторской аристократии Рима как его неотъемлемой части. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения социальной структуры позднеимперского общества и специфики его трансформации в условиях системного кризиса, который переживала Западная Римская империя. Материалы диссертационного исследования могут быть привлечены для подготовки общих и специальных курсов для студентов высших и средних учебных заведений, обучающихся по направлениям гуманитарного профиля, а также для разработки учебно-методических пособий по истории Античности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Можно говорить о континуитете между позднеантичными сенаторскими фамилиями и аристократами периода Принципата. В рамках исследования обосновано утверждение, что фальсификация родственных связей между ними была невозможна. Практика передачи наследникам патронимов зависела от политической конъюнктуры и не регулировалась четкими правилами, но она исключала необоснованное заимствование чужих родовых имен. Подозрения же исследователей в конструировании благородного происхождения имели под собой основания лишь в случаях, когда корни сенаторского рода возводились к мифологическим персонажам. Однако подобные утверждения являлись риторическим приемом, эпитетом знатности, а не претензией на реальное родство.

2. Существование позднеантичной римской аристократии основывалось на поддержании коллективной статусной культуры, в рамках которой ценность имело сочетание таких характеристик, как благородство происхождения, образованность, обладание социально маркирующими добродетелями, необходимый уровень доходов и соответствующий послужной список (*cursus honorum*). Без обладания этими свойствами было невозможно пополнить ряды

нобилей. *Homines novi*, стремившие войти в состав аристократии, должны были разделять эти ценности.

3. Благородное происхождение являлось главной из характеристик коллективной статусной культуры, поскольку его было невозможно получить иным способом, кроме как посредством брака, то есть с одобрения других аристократов.

4. Все аристократы периода поздней Античности, как представители родовой знати, так и неофиты, по своему социальному происхождению являлись крупными земельными собственниками. Среди них практически нет куриалов. Но тем не менее, римская аристократия остается тесно связанной с провинциальными муниципиями. Они входили в состав *ordinis decurionum* италийских и североафриканских городов путем кооптации.

5. *Gentes*, вошедшие в ряды сенаторской аристократии после IV в., изменили географическое представительство в рядах сенаторской аристократии. По сравнению с концом III в. произошло смещение географического ареала обитания сенаторской аристократии – от Северной Африки, юга и центра Италии в сторону центра и севера Италии, а также в Галлию. Данное явление обусловили два фактора: захват Африки вандалами и расцвет городов на севере Италии и в Галлии из-за близости императорского двора.

6. Провинциальные муниципии чаще находились под патронатом «старых» сенаторских фамилий, в то время как *homines novi* предпочитали иметь в качестве клиентов профессиональные и территориальные объединения в границах Рима. С начала V в. все виды классического аристократического патроната пришли в упадок. На смену ему пришел христианский патронат.

7. Фактором, оказавшим одинаковое влияние на обе части сенаторской аристократии, стало распространение христианства. Фанатично настроенные сенаторы, принявшие новую религию в конце IV – начале V вв., сознательно ухудшали свое материальное благосостояние, меняли образ жизни и характер социального поведения, что приводило к понижению социального статуса. Остальные же сенаторы, принявшие христианство для сохранения положения в

обществе или в соответствии со своими личными убеждениями, в целом сохранили свое прежнее социальное и экономическое положение.

8. Римские аристократы часто становились акторами политического и дипломатического общения Запада и Востока, принимая активное участие в сенаторских посольствах. Исполнение посольских функций было для них лишь дополнительным бременем к их основным обязанностям при императорском дворе или в Риме, где они занимали финансовые или административные посты. В привлечении аристократов к дипломатическим миссиям в большей степени было заинтересовано государство, а не сами сенаторы: их статус, котирующийся на Востоке, соответствующее образование, владение навыками риторики, знание греческого языка делало их более предпочтительными посланниками при константинопольском дворе, чем незнатных государственных или церковных служащих.

9. На всем протяжении периода поздней Античности мы наблюдаем процесс провинциализации римской сенаторской аристократии. Он выражался в том, что круг занимаемых ей должностей со временем неизменно сужался: в середине V – начале VI вв. он стал ограничен управлением городом Римом, старыми сенаторскими провинциями и италийскими и североафриканскими муниципиями; их географическое и социальное происхождение унифицировалось. Фактически, по замыслу римских императоров, сенат должен был превратиться в одну из муниципальных курий. В муниципиях безраздельно господствовали местные советы, в Риме – сенат, который тоже стал курией, органом местного управления, а римские сенаторы превратились в провинциалов.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были представлены в виде докладов на 4 международных (Саратов, 2015; Москва, 2017, 2019; Нижний Новгород, 2020) и 14 всероссийских (Челябинск, 2015, 2016; Пермь, 2015; Москва, 2015, 2017; Санкт-Петербург, 2016, 2019; Екатеринбург, 2016, 2019) конференциях.

Основные положения диссертации изложены в 13 публикациях, в том числе 2 статьи в журналах, индексируемых в международных базах данных (Web of

Science), 5 – в изданиях, рекомендованных ВАК. Общий объем – 5,8 п. л. (доля диссертанта – 5,4 п. л.).

Структура диссертации: работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, списка сокращений и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы диссертационного исследования, определены объект и предмет, а также цель и задачи исследования, даны характеристика источниковой базы и историографический обзор, сформулированы методология и методы, научная новизна, практическая значимость диссертационного исследования, представлены степень достоверности и апробация материалов исследования.

Первая глава **«Позднеантичное сенаторское сословие: принципы формирования и состав»** посвящена методологическим вопросам и принципам формирования базы сенаторских родов для последующего ее анализа. В ней рассмотрены способы пополнения римского сенаторского сословия в период поздней Античности, а также определен круг лиц, которых следовало включить выборку для исследования.

Первый параграф **«Обозначение сенаторской аристократии в источниках»** необходим для того, чтобы на основании формальных критериев, таких как титулы сенаторских аристократов и занимаемые ими магистратуры и должности, очертить максимально широкий круг потенциальных объектов исследования. В созданную базу данных вошли все лица, проживавшие в Риме или регулярно исполнявшие там должности и имевшие титулы *viri illustres*, *viri spectabiles*, *viri clarissimi*. Отдельно рассмотрены титулы *patricius* и *nobilis*.

Второй параграф **«Определение знатности современниками»** посвящен рассмотрению того, как сами современники определяли людей, относившихся к сенаторскому сословию, и какими ключевыми характеристиками их наделяли. Это позволило избежать и проблемы перенесения на объект исследования современных представлений о знатности. К характеристикам, которыми позднеантичное общество наделяло представителей исследуемого сословия,

относились наличие образования, обладание добродетелями, необходимым уровень доходов и соответствующий послужной список. Кроме того, представители сословия должны были обладать такой важнейшей чертой корпоративной статусной культуры, как благородство происхождения. Наличие некоторых из перечисленных составляющих (образованность, добродетели) у аристократов проверить невозможно. Однако в сообществе позднеантичных аристократов, вероятно, существовала внутренняя цензура, которая ограничивало проникновение в круг сенаторской аристократии людей, не удовлетворявших обозначенным параметрам.

В третьем параграфе **«Наследование имен аристократами в период поздней Античности»** рассмотрен дискуссионный вопрос о континуитете между позднеантичной сенаторской аристократией и аристократией периода Принципата. Согласно утверждению ряда исследователей, сохранение древних патронимов в длинных рядах имен позднеантичных сенаторов не всегда точно отражает действительное родство, зачастую являясь лишь показателем претензий на династические связи с могущественными родами прошлого. Диссертационное исследование показало, что стоит говорить не о фальсификации позднеантичными аристократами всех своих родственных связей, а, во-первых, об использовании эпитетов для обозначения знатности (в случае, когда родство касалось мифологических персонажей) и, во-вторых, о действительной генеалогической преемственности между знатными родами эпохи Принципата и Домината. Однако такую преемственность иногда сложно установить, поскольку выбор патронимов среди многочисленных семейных имен зависел от политической конъюнктуры и не регулировался четкими принципами. Таким образом, исследование, результаты которого представлены в параграфе, подтвердило возможность проследить историю позднеантичных аристократических родов в пределах длительного периода: генеалогический ряд, выстраиваемый на основании эпитафических источников, с высокой долей вероятности будет отражать реальные родственные связи.

В четвертом параграфе **«Численность senatorской аристократии»** определено количество родов, входивших в состав позднеантичного senatorского сословия, а также количество представителей в каждом из родов, о которых сохранились сведения в источниках. Для исследования было отобрано 37 «старых senatorских родов» и 31 род, основанный *homines novi* в позднеантичный период (с помощью матримониального союза с представителем «старой» аристократии или без него). В выбранные для исследования роды, по данным эпиграфики, входило 463 представителя римской аристократии (189 представителей «старых» родов и 274 – «новых»).

Вторая глава **«“Старые” и “новые” роды: просопографический анализ»** посвящена просопографическому анализу римской senatorской аристократии периода поздней Античности.

В первом параграфе **«Социальное происхождение *homines novum*»** было установлено, в социальном плане позднеантичная senatorская аристократия оказалась менее дифференцирована, нежели сенаторы периода Принципата. Она формировалась, главным образом, из крупных земельных собственников, которые получили возможность войти в круг римской senatorской аристократии либо продвинувшись по служебной лестнице (иногда в качестве почетного дара от императора), либо заключив брачный союз с представителем одной из «старых» аристократических семей. Шанс пополнить ряды римской аристократии для «новых людей» повышался, если им удавалось совместить эти два способа.

Во втором параграфе **«Куриалы в составе римского senatorского сословия IV–VI вв.»** на основе данных эпиграфики установлено, что в римское senatorское сословие периода поздней Античности входило 28 куриалов. Однако они не являлись куриалами по происхождению. Большинство сенаторов, оказавшихся в *ordo decurionum*, было кооптировано членами муниципальных советов из римского senatorского сословия, то есть по своему социальному происхождению они являлись все теми же крупными земельными собственниками (*possessores*). Римские сенаторы входили в *ordo* по приглашению граждан того или иного города, пополняя верхушку куриалов, и порой

оказывались почетными гражданами нескольких муниципиев. Таким образом, римские аристократы в период поздней Античности оставались тесно связаны с италийскими муниципиями и муниципальными советами.

Третий параграф **«Географическое происхождение римских аристократов»** посвящен рассмотрению географии происхождения и расселения римских сенаторских родов. Сенаторы были главным образом уроженцами Рима. Однако если в конце III – начале IV вв. римское сенаторское сословие пополнялось в основном представителями североафриканских, южно- и центральноиталийских муниципиев (по совместительству являвшимися и крупными землевладельцами в этих регионах), то на протяжении IV в. географическое соотношение в рядах римских сенаторов изменилось. *Gentes*, вошедшие в ряды сенаторской аристократии после IV в., происходили, помимо Рима, из Северной и Центральной Италии, а также из Галлии. Вероятно, это изменение было обусловлено в большей степени внешними факторами: захват Африки вандалами, окончательное перемещение императорского двора в Медиолан, а затем и в Равенну.

В четвертом параграфе **«Практика эвергетизма и патроната в среде римской аристократии»** проанализированы отношения патроната и практика эвергетизма, традиционно имевшие огромное значение в римском обществе. Выявлено, что среди сенаторского сословия патронат над коллегиями и другими объединениями в целом был менее популярен, чем над провинциальными городами. Кроме того, муниципии в провинциях чаще находились под патронатом «старых» сенаторских фамилий, в то время как «новые» фамилии предпочитали в качестве клиентов профессиональные и территориальные объединения в границах Рима. С начала V в. все из рассмотренных нами видов классического аристократического патроната пришли в упадок. На смену им пришел христианский патронат.

В пятом параграфе **«Влияние христианства на имущественное положение аристократии»** рассмотрен вопрос о степени влияния христианства на имущественное положение представителей римского сенаторского сословия.

Было выявлено ухудшение материального благосостояния ряда семей, принявших христианство в конце IV – начале V вв. Снижался социальный статус этих фамилий, изменялся их образ жизни и характер социального поведения, что было связано с их приобщением к новой религии. Попадая под влияние христианских идеологов, призывающих раздать «все во славу Божию», аристократия частично отказывалась от карьерных устремлений, уходила с государственных должностей, продавала свои имения, сознательно упрощала условия повседневной жизни. Таким образом, для части сенаторского сословия принадлежность к политической элите оказывалась менее значимой, нежели включенность в религиозную и интеллектуальную жизнь, связанную с христианством. С другой же стороны, подавляющее большинство римских сенаторов пошло по иному пути. Они принимали христианство для сохранения положения в обществе или в соответствии со своими личными убеждениями, однако придерживались новой религии в умеренном варианте, при этом не меняли местожительства, не распродавали собственность, а, наоборот, скорее обогащались благодаря открывающимся карьерным перспективам.

В третьей главе **«Участие сенаторской аристократии в политической жизни в период поздней Античности»** рассмотрен дискуссионный вопрос о степени вовлеченности сенаторской аристократии Рима в государственное управление. В противовес устоявшейся в историографии точке зрения выявлено, что сенаторская аристократия была включена в систему управления поздней Римской империей на всем протяжении IV–VI вв. (за исключением первых 20 лет IV в., когда система только формировалась), а якобы их равнодушие к исполнению магистратур и занятию государственных должностей является лишь отражением императорской политики, направленной на превращение бывшей столицы в один из рядовых италийских муниципиев, а римской аристократии – в аристократию куриальную.

В первом параграфе **«Cursus honorum сенаторской аристократии»** выявлено, что западные сенаторы принимали активное участие в политической жизни, исполняя магистратуры и занимая административные должности в Риме и

провинциях, а также участвуя в посольствах. Круг их компетенций со временем сужался: в середине V – начале VI вв. он стал ограничен управлением городом Римом, старыми сенаторскими провинциями, италийскими и североафриканскими муниципиями. Не следует трактовать этот процесс как отказ римских аристократов от занятия магистратур и государственных должностей. Политика императоров на протяжении всего периода поздней Античности была направлена на то, чтобы сделать бывшую столицу рядовым италийским муниципием. Фактически римский сенат должен был превратиться в одну из муниципальных курий. Именно поэтому со временем круг должностей, которые занимали римские аристократы, стал ограничиваться сначала Италией и северной Африкой, а затем и вовсе только городом Римом с ближайшей округой.

Во втором параграфе **«Взаимоотношения римских сенаторов с западным императором»** на примере римских политических процессов 371 г. по обвинению в том числе представителей римской знати в занятиях магией и колдовством рассмотрен характер взаимоотношений правителей и римского сенаторского сословия. Изначально кампания инициировалась императором против людей, практикующих занятия магией, но уже на следующем этапе расследований к процессам были привлечены люди знатного сословия. С течением времени кампания разрослась, поскольку римские сенаторы активно использовали ее для устранения своих политических конкурентов. В результате римская аристократия ослабила сама себя. Удар не был направлен на все сенаторское сословие в целом, но вместе с случившимся вскоре разграблением Рима, постепенным распространением христианства в сенаторской среде и недоступностью многих государственных должностей для аристократов подобные процессы стали довольно чувствительны для сенаторов.

В третьем параграфе **«Участие в дипломатических миссиях»** проанализировано роль римской аристократии во внешнеполитических делах Римской империи и Остготского королевства. Римская знать на протяжении поздней Античности неизменно оставалась желанным участником дипломатических миссий, прежде всего тех, которые отправлялись в

Константинополь. Аристократическое происхождение само по себе не давало сенаторам преимуществ при назначении легатом, однако и не создавало препятствий. Выбор делался исходя из дипломатических способностей потенциальных участников посольства, что уравнивало аристократов с чиновниками и епископами. Однако соответствующее образование, владение навыками риторики, знание греческого языка делало аристократов более желанными посланниками при константинопольском дворе, чем незнатных государственных или церковных служащих. В участии в посольствах аристократов, за исключением последнего в 546–554/558 гг., ставшим скорее бегством из Рима, в большей степени было заинтересовано именно государство, а не сами сенаторы.

В **Заключении** сформулированы общие выводы диссертационного исследования.

Проведенное просопографическое исследование римской senatorской аристократии позволило проследить направление ее эволюции в IV–VI вв. Еще со времени выхода монографии К. Штрохекера исследователи обращали внимание на постепенный процесс регионализации римской аристократии в период поздней Античности, который завершился ее провинциализацией. На протяжении IV–VI вв. Римская империя сначала разделилась на две части, затем западные провинции Римской империи стали фактически независимыми, пока, наконец, на их территории не сложились варварские королевства. Это же относится и к западной аристократии: к концу V – началу VI вв. знать стала галльской, испанской, римской (италийской). Просопографический анализ senatorского сословия Рима подтвердил это наблюдение исследователей.

Полномочия аристократов, которые занимали государственные должности, со временем оказались сосредоточены только в Италии; лишь sporadически сенаторы присутствовали еще и в чиновном аппарате империи. География происхождения «новых» аристократов ограничивалась пределами Апеннинского полуострова, отчасти еще Сицилии и Северной Африки, являвшимися традиционными senatorскими провинциями. Аристократический патронат

распространялся лишь на италийские муниципии. В социальном отношении аристократы оказывались выходцами из крупных земельных собственников (*possessores*). Многие исследователи трактуют это отсутствие вариативности в социальном и географическом отношении, а также замыкание сенаторского *cursus honorum* только лишь на Риме и ближайших к нему муниципиях как отражение общего процесса угасания социальной группы. Однако привлечение данных эпиграфики и просопографический анализ римской аристократии позволили обратить внимание на факт, который нередко остается за пределами внимания специалистов и который позволяет взглянуть на этот процесс по-иному: в IV–V вв. римская сенаторская аристократия все еще оставалась тесно связанной с сословием куриалов италийских муниципиев. Курии часто кооптировали римскую знать в местные советы в качестве своих патронов. Римские аристократы, таким образом, составляли верхушку куриалов той или иной италийской общины и являлись почетными гражданами города.

Вмешательство чиновников в дела италийских городов имело место лишь в случае необходимости. По большому счету именно куриалы (и, в первую очередь, их верхушка – римские аристократы) сконцентрировали в своих руках городское управление, на их же плечи легла забота об общественных зданиях и сооружениях. В современной историографии это трактуется как попытка позднеримских правителей сделать города центрами политической жизни на местном уровне. Если же говорить о Риме, то сенаторская аристократия должна стоять в одном ряду с куриалами, а сенат города Рима – с провинциальным сенатом любого италийского города. В этом контексте становится понятно, что у унификации был абсолютно иной смысл – ее цель заключалась в том, чтобы сделать Рим одним из рядовых италийских муниципиев.

Взаимодействие римских аристократов и сословия куриалов также означает, что по своей сути римская аристократия все еще оставалась античной, а городские структуры, в свою очередь, сохраняли центральное место в экономической и социально-политической жизни поздней Античности.

Таким образом, эволюция римской знати на протяжении данного периода не привела к ее полному разрыву со прошлым. Аристократия все еще питалась наследием предков, пусть и несколько переосмыслив его в соответствии с исторической ситуацией. По своему происхождению, социальному положению, взглядам на образование и воспитание римская аристократия во многом оставалась традиционной римской знатью. Эта социальная группа благодаря внутренней цензуре, с одной стороны, оставалась закрыта от внешних влияний (например, варваризации римского общества), а, с другой, оказалась доступна для «новых» людей, на которых тем не менее сразу распространяла свой *modus vivendi* – ту самую внутреннюю цензуру, лишавшую возможности попасть в их круг «новых людей», не соответствовавших внутренним требованиям группы. Сенаторская аристократия обновилась, пополнилась новыми силами, христианизировалась, но не утратила собственную идентичность.

Сложившийся порядок вещей оказался нарушен лишь готско-византийскими войнами и установлением новой административной системы в Италии. В течение VI в. сенаторская аристократия утратила власть в Риме и ближайшей округе, оказались разрушены привычные социальные связи. К концу VI в. сенаторы окончательно обосновались в провинциях.

Эволюция римской аристократии в период поздней Античности показывает, что, несмотря на регионализацию и провинциализацию, до конца своего существования по своей сущности она все еще оставалась античной.

Перспективы дальнейшей разработки темы состоят в более детальном изучении отдельных аспектов взаимодействия римского сенаторского сословия и провинциалов италийских муниципиев, а также механизмов интеграции сенаторов в провинциальные структуры (советы городов).

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНО В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

**Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях,
определенных ВАК и Аттестационным советом УрФУ:**

1. Зайцева Е. С., Скворцов А. М. Поздняя Римская империя в отечественной историографии XIX – первой половины XX вв. / Е. С. Зайцева, А. М. Скворцов // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – № 4. – С. 29–40 (0,6/0,3 п. л.).

2. Зайцева Е. С. «In Omnibus Deo Bene Placentes»: экономические стратегии поведения сенаторов-христиан IV–V вв. / Е. С. Зайцева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2019. – Т. 46. – № 3. – С. 431–442 (0,6 п. л.).

3. Зайцева Е. С. Позднеантичные процессы по обвинению в колдовстве: императорская кампания или сенаторская инициатива? / Е. С. Зайцева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2019. – № 5. – С. 19–28 (0,5 п. л.).

4. Зайцева Е. С. Из Рима в Константинополь: специфика сенаторских посольств второй половины V – первой половины VI в. / Е. С. Зайцева // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 22. – № 1 (196). – С. 29–42 (0,8 п. л.) (Web of Science).

5. Зайцева Е. С. Борьба за Urbs: Юстиниан и сенаторская аристократия Рима / Е. С. Зайцева // Вестник Пермского университета. История. – 2020. – № 2 (49). – С. 5–16 (0,6 п. л.) (Web of Science).

Другие публикации:

6. Зайцева Е. С., Скворцов А. М. Античная история на службе у британских консерваторов: О. Голдсмит и его «История Рима» / Е. С. Зайцева, А. М. Скворцов // Челябинский гуманитарий. – 2015. – № 4 (33). – С. 49–56 (0,2/0,1 п. л.).

7. Зайцева Е. С. Социальные характеристики римских сенаторов второй трети IV в. / Е. С. Зайцева // Актуальные проблемы современной науки: Взгляд молодых. Сборник трудов V Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Челябинск: Violitprint, 2016. – С. 119–121 (0,2 п. л.).

8. Зайцева Е. С. Религиозная принадлежность римских сенаторов по данным эпиграфики (284–361 гг.) / Е. С. Зайцева // *Scholia studiorum: пространство исторического нарратива. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции молодых антиковедов и медиевистов.* – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2016. – С. 12–14 (0,2 п. л.).

9. Зайцева Е. С. Социальный облик римских сенаторов в годы правления Диоклетиана и Константина / Е. С. Зайцева // *Студент и научно-технический прогресс. Тезисы докладов XXXIX студенческой научной конференции.* – Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, 2015. – С. 58–59 (0,1 п. л.).

10. Зайцева Е. С. Принятие христианства римскими сенаторскими семьями в IV–V вв. и его социальные последствия / Е. С. Зайцева // *Международная научная конференция «Сергеевские чтения». Сборник тезисов.* – Москва, 2019. – С. 64. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/upload/iblock/60b/%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D1%82%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%B2.pdf> (дата обращения: 11.10.2020) (0,1 п. л.).

11. Зайцева Е. С. Воспитание в позднеримской сенаторской семье: классический канон и христианский идеал / Е. С. Зайцева // *НУРОТНЕКАИ. Журнал по истории античной педагогической культуры.* – М.: Аквилон, 2019. – Вып. 3. Образование в Поздней Античности. – С. 173–199 (1,4 п. л.).

12. Зайцева Е. С. Бегство из Рима: западные сенаторы на Востоке в середине VI в. / Е. С. Зайцева // *Византийское содружество: традиции и смена парадигм. Тезисы докладов XXII-й Всероссийской научной сессии византинистов РФ,* Екатеринбург, 22–24 сентября 2019 г. – Екатеринбург, 2019. – С. 75–76 (0,1 п. л.).

13. Зайцева Е. С. Патронимы позднеантичных аристократов: подлинное наследование или выдуманные родословные? / Е. С. Зайцева // *Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XXXIX всероссийской научной конференции «Курбатовские чтения» (11–13 ноября 2019 года) / под ред. А. Ю. Прокопьева.* – СПб.: Скифия-принт, 2019. – С. 41–48 (0,4 п. л.).